

ОБРАЗ ЮРОДИВОГО В РАССКАЗЕ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ АГАФОНОВА «ЮРОДИВЫЙ ГРИШКА»

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

Поступила в редакцию 29 июня 2023 г.

Аннотация: *Статья посвящена исследованию семантики и сюжетной роли образа юродивого в рассказе протоиерея Николая Агафонова «Юродивый Гришка». Анализируются особенности именования персонажа и выявляются основные характеристики образа юродивого в тексте писателя: странничество, устремленность к горнему миру, духовное зрение, молитвенное общение с Богом.*

Ключевые слова: *православная художественная проза, протоиерей Николай Агафонов, рассказ, юродивый, мотив, семантика.*

Summary: *The article analyzes semantics and narrative role of the image of the holy fool in Protoiereus Nikolay Agafonov's short story Grishka the Holy Fool. Particulars of the characters' naming are analyzed, and the main characteristics of the holy fool's image in the text, such as pilgrimage, strive for the heavenly world, spiritual sight, communion with God through prayers, are identified.*

Key words: *Orthodox fiction, archpriest Nikolai Agafonov, story, holy fool, motif, semantics.*

В словаре В. М. Живова юродство определено как «облик безумия, принимаемый ради “порушения миру”, радикального отвержения ценностей мирской жизни и служения Христу через свидетельство о внеположности Христова пути мирской мудрости и мирскому величию» [1, 106]. А. Н. Ильин сопоставляет разум и безумие юродства с точки зрения полноты видения реальности: «<...> Безумие юродивого — это «все во всем», рассудок — это «часть всего», причем часть, которая претендует на некоторую оторванность от всего, отход от всего, некоторое отчуждение. Так отчуждающе действует разум на воспринимаемые им вещи и понятия» [2, 222].

Как замечает С. П. Гурин, «юродивый не столько ругает и осмеивает этот мир, сколько показывает мир другой — настоящий, подлинный, истинный, тот, по отношению к которому наш мир является перевернутым миром или антимиром»¹ [3, 169–170]. Противопоставление святого и мирского предельно обострено в юродстве. С. П. Гурин указывает, что «юродивый не только призывает к покаянию, он требует от человека полной перемены мышления и поведения» [3, 167]. Свидетельствуя о святости, юродивый дает возможность тем, кто оказался с ним

рядом, обратиться и приобщиться к Богу, отказаться от жизни по законам мира сего, увидеть духовную реальность. И. А. Есаулов пишет, что «юродивый своим поведением утверждает высшую субстанциальность — Божественную волю» [5, 162]. При этом подвижник, взявший на себя крест именно такого служения, «<...> отвергает внешний облик достоинства и душевного спокойствия, вызывающий уважение, и предпочитает казаться несчастным, ущербленным существом, заслуживающим насмешек и даже насилия» [6, 239]. Священник Иоанн Ковалевский отмечает необыкновенную высоту этого подвига: «Юродство о Христе — один из труднейших и великих подвигов христианского благочестия, какие из любви к Богу и ближним принимали на себя особенные ревнители благочестия» [7, 2]. Труднейший это подвиг потому, что требует величайшего смирения, позволяющего переносить любые искушения и не впадать при этом в грех. По мнению Г. П. Федотова, в унижении юродивого «раскрывается, и здесь самая глубокая печать русской святости, — образ униженного Христа» [8, 216]. Совершается же подвиг юродства ради того, чтобы, по словам И. А. Есаулова, «воскресить к будущей жизни этот умерший в грехах мир» [5, 163–164].

Примечательно, что в названии первой книги протоиерея Николая Агафонова есть слово «юродство»: «Неприкаянное юродство простых историй»² (Самара, 2002). В данном случае это слово употребляется в переносном смысле, в значении видимой алогичности,

¹ Ср. с высказыванием Б. А. Успенского об антиповедении юродивого: «Поведение юродивого насквозь проникнуто дидактическим содержанием и связано прежде всего с отрицанием грешного мира — мира, где нарушен порядок» [4, 469].

² См. статью О. Орловой «Над его рассказами все плакали. Памяти протоиерея-писателя Николая Агафонова († 17 июня 2019 г.)» [9].

нелепости происходящего³. Тем не менее, за внешней бессвязностью и нелепостью «случайностей», из которых складывается жизнь, в произведениях писателя отчетливо проступает идея Промысла Божия, ведущего человека ко спасению. Это созвучно тому, в каком контексте употребляется слово «юродство» в Священном Писании. Дважды оно звучит в Первом Послании св. апостола Павла к Коринфянам: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия» (1 Кор. 1: 18); «Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1: 21). Первая из приведенных цитат представляет собой проповедь креста Христова, т.е. слово об искупительном страдании Господа и Его смерти с последующим воскресением, что для неверующих кажется безумием, «юродством». Во второй цитате речь идет о невозможности для людей, отягощенных грехом, познать Бога и о необходимости без опоры на мирскую мудрость именно верой принять слово о Христе, Его крестных страданиях и воскресении⁴. Мирской мудрости в заглавии первого сборника рассказов протоиерея Николая Агафонова противопоставлено не только юродство, но и простота, что семантически созвучно самой евангельской проповеди: «Евангелие есть истинная мудрость, но оно является в совершенно простой форме, поэтому и вмещают его только те, которые не опутаны человеческою мудростию; принимая же его в сердечной простоте, они становятся мудрее мудрецов» [12, 286] (свт. Феофан За-

³ Л. Ильюнина интерпретирует название этого сборника рассказов так: «Название для книги подобрано очень удачно, — вся наша жизнь, не придуманная, не прикрытая зачастую наигранным благочестием, а именно простая жизнь, — является неприкаянным юродством. Такая она у ученых с мировым именем, и у архиереев, у бизнесменов, у молодых монахов, у тиранов, владевших всем миром, и у самых последних нищих, — героев рассказов отца Николая. Но именно в этом юродстве и светится правда Божия» [10].

⁴ Ср. с толкованием свт. Феофана Затворника на этот стих: «Велико небо и необъятна земля; подивись же Творцу их, ибо это великое небо не только Им сотворено, но и сотворено легко, и эта необъятная земля произведена Им, как ничто. Посему о первом сказано: *дела руку Твою суть небеса* (Пс. 101, 26); а о земле: *сотвори землю, аки ничтоже* (Ис. 40, 23). Так как мир не хотел познать Бога посредством этой премудрости, то Он научил мнимым буйством проповеди, не чрез суждения (соображения ума), а чрез веру. Где премудрость Божия, там нет нужды в человеческой. Ибо сказать, что Существо, сотворившее столь прекрасный и столь великий мир, есть Бог, имеющий беспредельную и неизреченную силу, это было делом суждений (соображений) человеческой мудрости и значило постигать Его посредством них; но теперь нужны не суждения, а одна вера» [11].

творник). Юродство в своей простоте, таким образом, зримо являет миру евангельскую духовную мудрость.

Юродивый как персонаж появляется в рассказе протоиерея Николая Агафонова «Юродивый Гришка» (2002–2003), в котором, помимо всего прочего, «речь идет о теме духовной эволюции человека постсоветской и постперестроечной эпох, стремлении его к Творцу <...>» [13, 362]. В тексте имя героя дается и из его прежней жизни, когда он еще не был юродивым, — Григорий Александрович Загорин⁵. Номинация, которую использует сам персонаж по отношению к себе, содержит уничижительную коннотацию, выраженную суффиксом -к- — «Гришка». Юродивый произносит: «Григорий Александрович помер. <...> Это я его убил» [14, 482]. Такая ситуация напоминает отчасти то, что произошло со св. блаж. Ксенией Петербургской, говорившей о своей смерти и о том, что муж ее жив. В рассказе протоиерея Н. Агафонова имя героя остается прежним, но теперь оно используется в сокращенном виде, с семантическим оттенком пренебрежения. В выстраиваемом автором сюжете рассказа этот смысл имени соотносим с понятием смирения, которым наделен юродивый герой. Мотив смерти отсылает, на наш взгляд, к распространенному в аскетической литературе представлению о «ветхом человеке», т.е. человеке в его падшем, греховном состоянии, который должен быть умерщвлен ради жизни «нового человека», следующего заповедям Христовым⁶. У героя протоиерея Н. Агафонова есть краткая предыстория: «раньше он был учителем литературы <...>. <...> В школе поговаривали, что он на Достоевском свихнулся, стал ученикам на уроках о Боге, о бесах говорить. За уклонение от школьной программы его в горно вызвали на разбор, а он и ляпнул им, что Гоголь с Достоевским беса гнали, а тот взял да во Льва Толстого вселился, а от него на Маяковского и других советских писателей перекинулся. Ну, ясное дело, его в «психушку» направили. Выйдя оттуда, он странничает по храмам» [14, 474–475]. Эта история имеет параллель с тем, что произошло с Иваном Яковлевичем Корейшей, знаменитым юродивым XIX в.: как пишет А. Ф. Киреев, он, окончив Духовную Академию, определился в качестве учителя в Духовное училище. Затем стал притворяться сумасшедшим, впоследствии же был

⁵ Обратим внимание на созвучие фамилии персонажа — Загорин — с названием Сергиева Посада, одного из центров православия на русской земле, в советское время — Загорск.

⁶ Так, святитель Феофан Затворник пишет: «Под новым и ветхим человеком разумеется нравственно-религиозный характер человека, а не лица какие особые от человека. Человек один, но то он живет в самоугодии и страстях, то он посвящает себя Богу и всем Богу угождать ревнует. В первом случае он ветхий, во втором — новый человек» [15, 335–336].

помещен в дом для умалишенных, откуда, в отличие от героя протоиерея Николая Агафонова, уже не вышел, но духовно поддерживал многих людей, приходивших к нему за душевспасительным советом [16].

В рассказе Н. В. Агафонова «Юродивый Гришка» центральный герой, живущий в период духовного возрождения России, когда стали открываться и восстанавливаться храмы и монастыри (90-е гг. XX в. или нулевые ХХIв.), называет друзьями ангелов-хранителей. Перед отправлением в путь он говорит регенту Алексею: «Вот теперь пойдем все вчетвером» [14, 485], имея в виду ангелов-хранителей.

В рассказе современного нам прозаика есть рефлексия рассказчика, регента Алексея Пономарева, по поводу феномена юродства: «Мой разум отказывался воспринимать подвиг юродства. Казалось, что этот вид святости — вне учения Нового Завета. Преподобные, святители, мученики, на мой взгляд, несомненно, являлись ярким свидетельством исполнения заповедей Господа и подражанием какой-то стороне Его служения, а юродство — что?» [14, 473]. В постепенном развертывании сюжета дается ответ на волнующий регента вопрос.

Рассказчик встречается с человеком, которого он сначала принимает за сумасшедшего. Вот что говорит он о юродивом: «Не поворачивая ко мне головы, широко перекрестившись, громко воскликнул: «Верую двенадцатому стиху псалма». Потом повернулся ко мне, осклабившись в какой-то дурацкой улыбке, сквозь зубы засмеялся: «Гы-гы-гы», — и, уткнувшись опять в свою книгу, быстро зашагал дальше. Растерявшись от такой выходки, я с недоумением долго смотрел ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. «Сумасшедший какой-то», — подумал я и направился домой» [14, 472]. Следующая встреча подтверждает это мнение: «<...> я с высоты хоров увидел, как в храм зашел тот ненормальный босоногий человек. Он подошел к ближайшему подсвечнику, взяв с него только что поставленную горящую свечу, стал обходить с ней по периметру храма все иконы. Перед каждой иконой он останавливался по стойке «смирно», правой рукой с горящей свечой крестом осенял икону, затем четко, как солдат, поворачивался кругом и осенял горящей свечой пространство перед собой. Такие манипуляции он проделал перед каждой иконой, затем затушил свечу, сунул в карман своего пиджака. Эти странные действия со свечой подтвердили мое мнение о том, что передо мной — больной человек» [14, 473–474]. Однако, столкнувшись впоследствии с прозорливостью Гришки, регент Алексей уже не так уверен в своей оценке этого человека: «Либо это чистая случайность, совпадение, — подумал я, — либо действительно Гришка обладает даром прозорливости, как о нем и говорят в народе» [14, 476]. Сюжет рассказа, таким образом, в значительной мере выстраивается как расследование, которое «ведет» рассказчик. Выслушав свидетельство отца Михаила Баженова, настоятеля храма в селе Об-

разово, самого бедного в епархии, у которого Гришка проводил зиму, регент Алексей убеждается, что Гришка — действительно подвижник.

В рассказе постепенно раскрываются разные грани подвига юродства. Юродство здесь — и дар прозорливости, и жертвенное служение ближнему, готовность отдать самое дорогое ради его спасения, и духовное зрение, видение того, что сокрыто от обычного взгляда. Рассказчик поражен контрастом между смехом юродивого и скорбью в его глазах⁷, сопровождающей смех⁸: «Когда он смеялся, я внимательно смотрел на него, и меня поразило, что в его глазах я не увидел веселья, которое должно было, по сути, сопровождать смех. Нет, в глазах его была печаль, даже я бы сказал — какая-то скорбь. И тогда я вдруг понял, что это не смех слабоумного человека, а рыдания того, кто видит страшную наготу действительности, сокрытую от “мудрых века сего”» [14, 483]. Молитва Гришки, как он сам себя называет, спасает Алексея от смерти: «Нет, возьми вместо него меня, <...> ему еще рано, а я уж давно жду. Нет, так нельзя, Гришку возьми, а Леху оставь. Лешку оставь, а меня возьми вместо него» [14, 489]. Это прошение исполняется. Жизненный путь Гришки в тексте завершается его физической смертью, а затем посмертным истолкованием сказанного юродивым в начале рассказа пророчества, которое постигает Алексей.

Заметим, что Гришка в своей речи иногда использует рифму. Это характерно для речи юродивых, с точки зрения А. М. Панченко: «Рифма должна была подчеркнуть особенность высказываний юродивых, отличие их от косной речи толпы, мистический характер пророчеств и укоризн» [19, 123]. Вот примеры в тексте: «Мы с Лешкой только одну молитву знаем, — при этом он загадочно глянул на меня, — «Помилуй мя, Боже, на боку лежа», вот и все. Правда, Леха?» [14, 476]. «Копай-копай, Мишка, найдешь золотишко» [14, 480]; «Ужин мне не нужен <...>» [14, 480]. Эта речевая специфика выделяет Гришку среди других персонажей рассказа.

Юродивый Гришка в рассказе протоиерея Николая Агафонова, приняв крест подвижничества во время господства советской власти, добровольно идет на страдания. Он свидетельствует о вере и готов отстаивать ее при любых, самых трудных обстоятельствах. С юродивым в рассказе прозаика связан мотив чуда. Это и нахождение святого источника возле

⁷ Ср. с рассуждением О. А. Туминской о молитве юродивого: «Самая пронзительная нота в обращении юродивого ко Господу — голос правды, боль страдальца, безмолвный крик, одиночная «чаша страданий», сравнимая с последней молитвой Иисуса в Гефсимании» [17, 121].

⁸ Е. А. Щепалина так говорит о специфике смеховой культуры в юродстве: «“смешно” юродство только с “внешней” стороны»: смех блаженного должен перейти в плач над смешным» [18, 21].

храма, и видение прошлого, и прозрение грядущего, и спасение жизни регента Алексия.

Гришка — единственный из персонажей, чья смерть показана в произведении. Он знает о своей смерти, что говорит о включении традиционного житийного мотива в повествование, умирает же после посещения богослужения и участия в Таинстве Евхаристии. Его смерть — и жертва за ближнего (он вымолил у Бога смерть себе вместо больного регента), и радостный переход к Богу, в вечную, нетленную жизнь.

Герой протоиерея Николая Агафонова живет в конце XX — начале XXI вв., в новый исторический период развития России. Образ юродивого свидетельствует о том, что идеал святости сохранился и в постсоветскую эпоху в национальном сознании русского человека⁹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Живов, В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994, 112с.
2. Ильин, А. Н. Мнимое безумие как особенность православной религиозности // Наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире. Монография. Под общей редакцией И. И. Ивановской. Петрозаводск, 2020. С. 213–224.
3. Гурин, С. П. Феномен юродства. Обзор литературы советского периода // Труды Саратовской православной духовной семинарии. Выпуск XIV. Саратов, 2020. С. 156–182.
4. Успенский, Б. А. Избр. тр. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996, 608с.
5. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004, 560с.
6. Иоанн (Кологривов), иером. Очерки по истории русской святости. Siracusa: Editrice «ISTINA», 1991, 424с.
7. Ковалевский, И., священник. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной русской церкви: исторический

⁹ Есть ряд исследовательских работ, посвященных анализу и интерпретации образа юродивого в современной литературе. См. монографию И. А. Казанцевой, С. П. Бельчевичен «Православные ценности в русской прозе XX — XXI вв.», в которой, в частности, рассматриваются произведения современных писателей В. Крупина «Русские Святые» и Ю. Рябиной «Русское юродство», где «воссоздаются образы святых, взявших на себя подвиг юродства» [20, 83]; статью А. П. Котовой «Образ юродивого в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр»: литературная традиция и трансформация» [21] и др.

очерк и жития сих подвижников благочестия. Репринт. воспроизв. изд. 1902. М.: РППО «Союзбланкоиздат», 1991. 298с.

8. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003, 700с.
9. Орлова, О. «Над его рассказами все плакали. Памяти протоиерея-писателя Николая Агафонова († 17 июня 2019 г.). // Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/122034.html> (дата обращения: 08.06.2023).
10. Ильюнина, Л. «Неприкаянное юродство простых историй». Сборник рассказов священника Николая Агафонова. // Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2004/06/15/neprikayannoe_yurodstvo_prostyh_istorij/ (дата обращения: 08.06.2023).
11. Толкования на 1 Кор. 1:21 // Режим доступа: <https://bible.optina.ru/new:1kor:01:21> (дата обращения: 08.06.2023).
12. Толковый Апостол: Послания апостола Павла, изъясненные святителем Феофаном Затворником: В 2 тт. Т. 1. М.: Правило веры, 2015, 880с.
13. Леонов, И.С., Вальчак, Д. Мотив иконы в повести протоиерея Николая Агафонова «Стояние» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2022. Т. 20. № 1. С. 360–377.
14. Агафонов, Н., прот. Отшельник поневоле: рассказы. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009, 656с.
15. Толкование послания святого апостола Павла к ефесеям епископа Феофана. Репринтное издание. М.: Московский Сретенский монастырь. Паломник. Правило веры, 1998, 500 с.
16. Киреев, А. Ф. Юродивый Иван Яковлевич Корейш / Сост. А. Ф. Киреев. — М.: тип. И. Я. Полякова, 1894, 95 с.
17. Туминская, О. А. Образ юродивого во Христе в русском искусстве конца XV — начала XX века. Дис. на соиск. уч.ст. доктора искусствоведения. СПб., 2014, 648с.
18. Щепалина, Е. А. Юродство Христа ради как особый подвиг в художественном мире С. Н. Дурылина // Поволжский вестник науки. Тольятти, 2021. № 2 (20). С. 21–24.
19. Лихачев, Д.С., Панченко, А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1976, 204с.
20. Казанцева И. А., Бельчевичен С. П. Православные ценности в русской прозе XX–XXI вв. Тверь: Тверской государственный университет, 2016. Ч. 1. 188 с.
21. Котова, А. П. Образ юродивого в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр»: литературная традиция и трансформация // Культурные коды русской литературы: материалы Всероссийской (с международным участием) очно-заочной научно-практической конференции, посвященной 60-летию филологического факультета Башкирского государственного университета. Уфа, 2017. С. 229–238.

Новосибирская православная духовная семинария
Сузрюкова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: sellns@mail.ru

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary
Suzryukova E. L., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Humanitarian Disciplines Department
E-mail: sellns@mail.ru